

- сова в собрании Алтайского государственного краеведческого музея) // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов, Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред.: М. Ю. Мартынова. Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 263–264.
3. Супонина Л. С. Личный фонд фотографа С. И. Борисова в собрании АГКМ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. № 22. С. 267–270.
 4. Жизнь Алтая. 9 января 1911. №6. 4 с.
 5. Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: информ.-метод. справ. / отв. ред. И. И. Назаров. Барнаул: Азбука, 2009. 310 с.
 6. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ) ОФ 12595/138.
 7. АГКМ ОФ 12595/151.
 8. АГКМ ОФ 14239/34.
 9. АГКМ ОФ 14239/11.
 10. АГКМ ОФ 12595/112.
 11. Ткаченко И. Д. Традиционное снаряжение лошади у алтайцев (по материалам коллекций РЭМ) // Алтае-Саянская горная страна и история ее освоения кочевниками. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 169–171.
 12. АГКМ. ОФ 12595/113.
 13. Ткаченко И. Д. Снаряжение верхового коня у кочевников Сибири и Центральной Азии (опыт историко-этнографического исследования): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.07 этнография, этнология, антропология СПб, 2009. 22 с.
 14. АГКМ ОФ 14239/36.
 15. АГКМ ОФ 12595/69.
 16. АГКМ ОФ 12595/164.
 17. АГКМ ОФ 14239/7.
 18. АГКМ ОФ 14536/6.
 19. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства Москва: Наука, 1972. 314 с.
 20. АГКМ ОФ 14239/22.
 21. Шангина И. И. Русский традиционный быт Санкт-Петербург: Азбука классика, 2003. 679 с.
 22. АГКМ ОФ 14536/15.
 23. Историко-этнографический атлас Сибири / отв. ред. М. Г. Левин, Потапов Л. П. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. 500 с.
 24. АГКМ ОФ 12595/52.
 25. АГКМ ОФ 12595/152.
 26. АГКМ ОФ 14239/16.
 27. АГКМ ОФ 14239/12.
 28. АГКМ ОФ 14239/13.
 29. АГКМ ОФ 12595/88.
 30. АГКМ ОФ 12595/153.
 31. АГКМ ОФ 12595/154.
 32. АГКМ ОФ 15947/28.
 33. Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. 224 с.
 34. Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов: середина XIX — начало XX в. Ленинград: Наука, 1975. 238 с.
 35. Левин М. Г. Потапов Л. П. Народы Сибири. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. 1112 с.

УДК 94(571.15)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-269-276

Л. Н. Мукаева

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

«У каждого человека есть светлые и темные стороны, как у кедров на сопках Алтая»: этнокультурная составляющая полевых изысканий финского геоморфолога Г. Й. Гранё в Русском Алтае и Монгольском Алтае в 1906–1909 гг.¹

Аннотация. В статье освещается этнокультурная составляющая полевых изысканий финского геоморфолога Г. Й. Гранё в Русском и Монгольском Алтае, проведенных им по заданию Финско-угорского общества в 1906–1907 гг. и в 1909 гг. Предпринятые экспедиционные исследования были археологическими, но при этом Й. Г. Гранё собрал богатейший материал и по этнической истории народов Русского Алтая и Монгольского Алтая. Характеристика и описание различных этнокультурных групп, сообществ и анклавов Алтае-Монгольского региона расширяют представления по истории и культуре населения региона в досоветское время. **Ключевые слова:** *Русский Алтай, Монгольский Алтай, народы Алтая, экспедиционные исследования, полевые материалы, этнокультурные процессы, этническое разнообразие.*

Целью настоящей статьи является анализ этнической составляющей полевых изысканий финского геоморфолога Г. Й. Гранё в Русском Алтае и Монгольском Алтае в 1906–1909 гг., опубликованных в

книге «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий», вышедшей на финском языке в 1919–1921 гг., переизданной в 1993 г. и переведенной на русский язык в 2012 г. [1].

В исследовательской литературе уже отмечалось, что Русский и Монгольский Алтай, представляющий большой интерес для естественнонаучных исследований, оставался к началу XX в. неизвестной

¹ Материалы подготовлены по результатам научно-исследовательского проекта, поддержанного РФФИ № 18-49-040005 а(р) 2019 г.

территорией — «terra incognita», несмотря на большой вклад русского ученого П. А. Чихачева в изучение Алтая в 1842 г. [2, 3]. Эти пробелы восполнили профессор Томского университета В. В. Сапожников в конце XIX — начале XX в. и российский ученый финского происхождения Й. Г. Гранё, проводивший геоморфологическое изучение Алтая в начале XX в.

Научное наследие финского геоморфолога Й. Г. Гранё российская общественность обрела только после издания его сочинения на русском языке в 2012 г. [1]. В Сибири финский ученый не был новичком. Хотя он родился в 1882 г. в Финляндии, в скромной семье пастора, его жизнь и научная биография оказались тесно связанными с Алтаем. В 1885 г. семья переехала в Сибирь, где глава семейства окормлял шесть финских евангелических приходов. Все детство будущего алтайского исследователя прошло в г. Омске. В 1891 г. семья Гранё переехала обратно в Финляндию, чтобы их дети учились на родном языке в финской гимназии. Благодаря разноречивой среде Й. Г. Гранё свободно говорил на финском, шведском, русском, немецком, эстонском языках, неплохо знал и французский. Впоследствии, для того чтобы исследовать внутренние области Русского Алтая и Монгольского Алтая, Й. Г. Гранё выучил тюркский (алтайский) и монгольский языки. Не лишним будет упомянуть, что свои научные труды он публиковал на семи языках [1, с. 557].

В 1900 г. Й. Г. Гранё поступил в Гельсингфорский университет, где изучал географию, биологию, зоологию и другие естественные науки. Университет он окончил в 1905 г. [1, с. 558]. В 1902 г. его отец вернулся на прежнее место своей службы в Омск. С этого года все свои летние каникулы Й. Г. Гранё проводил в родительском доме в Омске. Каждое лето он сопровождал своего отца во время его служебных поездок по финским деревням, раскиданным по шести приходам на расстоянии в 2000 км [1, с. 558]. Молодого Й. Г. Гранё интересовало все, что он видел и слышал в этих путешествиях, к тому же его отец, будучи любителем-археологом, привил своему сыну любовь к полевым изысканиям. В письмах Финляндскому обществу древних памятников Й. Г. Гранё сообщил о "мемориальных" памятниках северной части Алтае-Саянской горной системы с неизвестными "клиническими письменами" - рунами. Такая информация заинтересовала ученый мир, тем более, что в финском обществе в то время доминировала теория М. А. Кастрена о том, что исторической пра-родиной финско-угорских народов являются Алтайские горы. Правда, вскоре выяснилось, что руны являются не финскими, а раннетюркскими [1, с. 558].

Осенью 1905 г. отец и сын Гранё побывали в финской колонии в южной части Кулундинской степи. Отсюда они совершили поездку по западной и юго-западной окраинам Алтайских гор по маршруту Омск — Семипалатинск — Усть-Каменогорск — устье Нарыма, станция Алтайская — дер. Берель — Рахмановские минеральные источники. Высокие ледяные вершины Русского Алтая произвели на молодого ис-

следователя «неизгладимое впечатление» [1, с. 558]. Из своего первого ознакомительного путешествия по Алтаю он вернулся с небольшим гербарием, фотографиями горных пейзажей и очень скромным опытом путешествий, тем не менее пробудившим в нем «желание странствий по горному краю» [1, с. 11].

Той же осенью 1905 г. Й. Г. Гранё выступил с докладом о своем путешествии по Алтаю на заседании Русского географического общества, на котором присутствовал финский этнограф-археолог А. О. Хейкель. Последний порекомендовал молодого, но перспективного исследователя председателю Финно-угорского общества О. Доннеру. В это время Финно-угорское общество, занимавшееся организацией исследования далекой Монголии, искало человека в научную экспедицию по Северной Монголии для изучения и копирования рунических надписей. Й. Г. Гранё охотно согласился на предложение О. Доннера отправиться стипендиатом в путешествие по Монгольскому Алтаю [1, с. 560–561]. Ему поручалось выявление наскальных изображений, их копирование и фотографирование с последующим тщательным изучением. Кроме того, на него возлагалась задача географического обследования Северного Монголии. В своих воспоминаниях Й. Г. Гранё отмечал, что поскольку решение о путешествии в Монголию он принял в апреле 1906 г., а выехал уже в июне, то на научно-практическую подготовку экспедиции: чтение соответствующей научной литературы, ознакомление с методикой сбора и обработки археологических источников, в данном случае петроглифов, у него просто не было времени. В результате за короткий срок он успел собрать только походное снаряжение. Правда, в Петербурге ему удалось встретиться с известным знатоком монгольских древностей В. В. Радловым. Последний, кстати, придерживался мнения, что коренные жители Алтая являются потомками финнов, со временем перенявших тюркский образ жизни и менталитет [1, с. 558, 561].

В первом монгольском путешествии Й. Г. Гранё сопровождали сибирский финн Элиас Саари и два проводника-сибиряка: Афанасий и Прохор. Следующие поездки Й. Г. Гранё по Алтаю по заданию Финно-угорского общества осуществились в 1907 г. и 1909 г. Оба раза его маршруты в Монгольский Алтай пролегли через Алтайские горы [1, с. 13]. В 1907 г. Й. Г. Гранё взял с собой, по его словам, энергичного и деятельного сибиряка эстонского происхождения Калле (Карла) Вокка [1, с. 357]. В 1909 г. состоялось третье путешествие ученого в Монгольский Алтай. На этот раз с Й. Г. Гранё в далекий путь отправился финн Ункури Тапани. Экспедицию 1909 г., помимо Финно-угорского общества, финансировали два советника коммерции из Выборга [1, с. 561–562].

Следует отметить, что состав экспедиций Й. Г. Гранё по Русскому Алтаю и Монгольскому Алтаю в 1906–1907 гг. и в 1909 г. тоже представлял собой любопытное этническое явление в истории научного изучения Алтая, среди исследователей ко-

торого традиционно было много немцев. Это выдающиеся ученые А. Гумбольдт, Г. П. Гельмерсен, В. В. Радлов и др. Лишь со второй половины XIX в. исследовательская ситуация стала меняться в пользу русских ученых. Й. Г. Гранё стал вторым финским исследователем Алтая после Э. Лаксмана, прошедшего по северной кромке Алтайских гор во второй половине XVIII в., и первым и единственным финским исследователем Русского и Монгольского Алтая в досоветское время. В этносоциальном отношении Й. Г. Гранё, Элиас Саари, Тапани Ункури были финнами, Калле Вокк – эстонцем; все они относились к лютеранской церкви. Эстонский и финские сотрудники русско-монгольских экспедиций Й. Г. Гранё являлись ссыльными; К. Вокка сослали из Петербурга в Сибирь за революционную деятельность, отца Тапани Ункури – за непреднамеренное убийство. Из книги «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий» видно, что все они, включая Й. Г. Гранё, с предубеждением относились к Алтайской духовной миссии, к православию, и больше симпатизировали старообрядцам и язычникам-шаманистам. Но если горячий нравом и плохо говоривший на русском языке революционер К. Вокк в какой-то момент мог вспылить, наговорить много оскорблений своим русским собеседникам, осыпать проклятиями всех русских и все русское, то Й. Г. Гранё во время экспедиционных изысканий всегда придерживался собственного тезиса: «У каждого человека есть светлые и темные стороны, как у кедров на сопках Алтая» [1, с. 576]. В нем самом, как вспоминали современники, всегда преобладала светлая сторона [1, с. 577].

Полевой материал экспедиций 1906–1907 гг. и 1909 г. по Русскому и Монгольскому Алтаю отложился в главах книги «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий»: в седьмой – «В сердце горной страны» (параграфы: «Чуйский тракт. Глава в истории торговли», «Из Бийска в Кош-Агач по Чуйскому тракту»), восьмой – «На территории Иртыша», девятой – «По ту сторону границы» [1, с. 351–373, 429–551]. В путешествиях по Русскому Алтаю и Монгольскому Алтаю Й. Г. Гранё встретился с богатым этническим разнообразием этой части Алтайской горной системы. Со страниц его сочинения «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий» предстают русские, алтайцы, монголы, китайцы, казахи, сарты. Он описал состояние русско-китайской торговли через транзитную территорию Горного Алтая по Чуйскому тракту, особенности ямщицкой службы на Чуйском тракте, быт русских купцов в Монголии, казахские анклавы Русского Алтая и Монгольского Алтая, скотоводов чуйских долин, русских и китайских чиновников, русских ямщиков и монгольских возниц. В научной литературе уже отмечалось, что Й. Г. Гранё, будучи наблюдательным исследователем, тонко понимал все нюансы этнической истории исследуемого им региона [4, с. 129].

Маршрут первой монгольской экспедиции в 1906 г. пролегал из Минусинска через Саянские горы

и Урянхайский край в Монгольский Алтай, оттуда через Джунгарскую степь в Сибирь. По пути следования Й. Г. Гранё должен был выявить, изучить, сфотографировать, при возможности перерисовать археологические древности с письменами и другие артефакты Урянхайского края и Монгольского Алтая.

Итак, поездка 1906 г. в Монгольский Алтай была археологической, точнее петроглифо-географической. Как уже упоминалось, Й. Г. Гранё сопровождал опытный и осторожный охотник, имеющий опыт работы на золотых приисках, – Элиас Саари, на русский лад – Илья Иванович. Но в экспедициях такого рода он участвовал в первый раз. Русских проводников Афанасия и Прохора, желавших увидеть иной мир по другую сторону российской границы и отличавшихся легкостью характера и бытия, Й. Г. Гранё нанял в дер. Кужебара Минусинского края [1, с. 511]. Поначалу экспедиция проходила хорошо. В путь двинулся большой караван верховых и вьючных лошадей, несших внушительный запас снаряжения и продовольствия. Й. Г. Гранё отмечал: проводники «парни видные, палатка шикарная, провизии вдоволь» [1, с. 511]. В Урянхайском крае (Туве) молодому ученому удалось совершить много научных открытий. Он с увлечением собирал материал, фотографировал, наблюдал, делал интересные выводы. Но трагический случай изменил весь ход экспедиции. При переправе через р. Малый Енисей непрочная лодка, которую удалось с трудом найти после долгих поисков, несмотря на все сплавное мастерство Прохора и Афанасия, столкнувшись с полузатопленным деревом (тополем) перевернулась и утонула вместе со снаряжением, продовольствием, фотоаппаратурой, дорожными деньгами (серебряными и медными). Й. Г. Гранё, Афанасий и Прохор сами чуть не утонули, но они сумели вплавь добраться до острова, с которого их сняли местные сойоты на небольшом плоту, привязанном к хвосту лошади. Предусмотрительный Э. Саари в это время вместе с лошадьми оставался на берегу Енисея. Из припасов уцелела только небольшая сумка с путевыми дневниками и лекарствами, приборами, которую ученый оставил на берегу, да в карманах одежды у него осталось 200 руб. бумажными деньгами. Путешественники неделю разыскивали утонувшие припасы, но на берегу реки нашли только мешок с мясом, котелки, большой кусок брезента и фотоаппарат, полностью пришедший в негодность. Разоренной экспедиции на помощь пришли русские купцы, торговавшие в Урянхае. Они собрали для Й. Г. Гранё и его спутников деньги, продовольствие, снаряжение, теплые меховые шубы и другую одежду [1, с. 511–512].

Афанасий и Прохор, которым Й. Г. Гранё из-за безденежья предложил вернуться домой, наотрез отказались от его предложения. В итоге маленькая экспедиция, отправившись дальше в путь – в Монголию «налегке и с удобствами» [1, с. 512]. В Уланкоме исследователей оставил проводник-татарин, нанятый Й. Г. Гранё за знание монгольского языка. Он сильно занемог в результате возлияний в каждом

встреченном по пути аиле. Й. Г. Гранё расстался с ним без больших сожалений, поскольку к этому времени он выучил расхожие фразы на монгольском языке [1, с. 513]. Путь до китайского города Кобдо путешественники проделали без посторонней помощи, правда, сильно экономя на еде. Их более чем скромные съестные припасы состояли из чая, ржаных сухарей, небольшого количества масла и мяса. Мясо готовили один раз в день, на ужин, в виде жидкого супа. Поскольку в Енисее утонули не только палатка, но и свечи, то Й. Г. Гранё заполнял путевой дневник при свете небольшого костра, сложенного из кизяков. В безлесной степи путники сильно страдали еще от холода, особенно в ночное время под открытым небом, когда температура воздуха опускалась ниже нуля. Имевшийся в их распоряжении кусок брезента, которым они накрывались, был слабой защитой от пронизывающего ветра [1, с. 513–514].

Наконец, преодолев все трудности, экспедиция достигла административного центра Северо-Западной Монголии – г. Кобдо, «столицы», по словам Й. Г. Гранё, предгорий Монгольского Алтая. Для голодных и измученных путешественников Кобдо представлялся «обетованной землей, Землей Счастья», в которой они найдут приют, отдых в «доме богатого русского купца», запасутся мешками с хлебом; китайский губернатор, как они надеялись, даст им опытного проводника, который приведет их к белоснежным вершинам Монгольского Алтая [1, с. 516]. При въезде в Кобдо путники сначала проехали мимо огромных белых палаток, напоминавших собой целый армейский палаточный город. На самом деле эти палатки оказались принадлежащими русским купцам огромными хранилищами шерсти, покрытыми белыми полотнищами [1, с. 517].

За крепостными стенами, окружавшими Кобдо, путешественники увидели не «прекрасный оазис на фоне дикой природы Западной Монголии» и не «самый красивый город», а маленький городишко, похожий на грязную деревню, в котором валялись дохлые собаки и мусор [1, с. 516, 518]. Архитектура домов для путников показалась более чем странной: по обеим сторонам улицы тянулись сплошные глиняные стены без окон, но с воротами прямоугольной формы. Перед глазами российской экспедиции предстала картина необычного мира иной культуры. Немудрено, заметил Й. Г. Гранё, что даже их тувинские лошади дрожали от страха [1, с. 518].

Экспедиция остановилась в доме русского купца Григория Ивановича Кузьмина – старосты русской общины Кобдо и представителя русского консула, проживавшего в Улясатуе. Г. И. Кузьмин охотно приютил несчастных путешественников [1, с. 519]. В книге «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий» содержится подробное описание жизни русских купцов, торговавших в Северо-Западной Монголии, китайских чиновников и местного монгольского населения. Эти ценные сведения Й. Г. Гранё получил от Г. И. Кузьмина и других русских купцов. Для Кобдо, как столицы Монгольского Алтая, была

характерна многонациональная картина обитавшего здесь населения [1, с. 520]. Со слов Г. И. Кузьмина, в 1906 г. в Кобдо проживало около 30 русских купцов и торговых людей из Бийска, из них 5 вели самостоятельную торговлю. Русские купцы проживали в Кобдо только летом, на зиму они возвращались в Бийск, оставляя на хозяйстве своих приказчиков. Из Монголии в Россию доставляли овечью и верблюжью шерсть, шкуры, меха. Китайцы в Кобдо были либо торговцами, либо чиновниками, ремесленников не было. После каждых трех лет службы в Кобдо китайский чиновник мог съездить на родину и навестить родных. По законам Поднебесной империи китайцам запрещалось привозить с собой жен, поэтому они на время своего пребывания в Кобдо заключали браки с местными монголками. Кобдосские китайцы в услужение себе нанимали продавцов и мальчиков на побегушках. Местные монголы в количестве 300 чел. в основном проживали в юртах за крепостной стеной. Кроме того, по сообщению Г. И. Кузьмина, в Кобдо обитали татары, туркестанские сарты, но их было немного, с Алтайских гор в Кобдо за товарами постоянно приходили казахи [1, с. 520].

На следующий день после прибытия в Кобдо Й. Г. Гранё отправился на прием к китайскому чиновнику – зургану, проживавшему, как и все остальные китайцы, в крепости. Стены крепости были четко ориентированы по странам света, в каждой из них имелись ворота с дугообразной крышей, покрытой китайскими надписями. В крепости помимо амбана – градоначальника Кобдо – и зургана проживали состарившиеся на военной службе китайские солдаты, мирно занимавшиеся выращиванием овощей и театральными постановками, в которых исполняли все роли, включая и женские. Внутри крепости возле южных ворот Й. Г. Гранё увидел деревянную клетку высотой в полтора метра, в верхней части которой находилось отверстие. В клетку помещали на всеобщее обозрение преступников, причем тело страдальца находилось в скрюченном состоянии, а голова выступала наружу. В углу южной стены располагалось низкое и отгороженное забором здание тюрьмы с подземным этажом, в котором содержались заключенные. На ночь заключенных заковывали в деревянные оковы, устроенные таким образом, чтобы не дать спящему человеку пошевелиться [1, с. 521].

Й. Г. Гранё, миновав, по его словам, средневековые карательные учреждения, через парк прошел к домам чиновников. Китайские жилища были квадратной формы и окружали двор со всех сторон. Дом амбана был самым большим, жилище зургана – поменьше. Приемная зургана, в которой Й. Г. Гранё ожидал важного чиновника, отличалась простотой. На встречу с руководителем российской научной экспедиции зурган пришел в сопровождении своего сына, тоже высокопоставленного чиновника – бао (секретаря-референта) в чиновничьей иерархии Кобдо. Оба китайца были очень высокими, худощавыми, отцу было около 50 лет, сыну – око-

ло 30. Младший немного владел русским языком. Зурган и бао очень доброжелательно отнеслись к Й. Г. Гранё. Желая помочь попавшим в беду российским путешественникам, они предложили обеспечить экспедицию мукой и мясом. Но Й. Г. Гранё попросил дать ему опытного проводника и снабдить рекомендательными документами. Зурган предоставил ему проводника до уездного города Шара-Сумэ и паспорт, по которому местные власти должны были обеспечивать экспедицию лошадьми безвозмездно [1, с. 521–522].

Путешественники несколько дней прожили в гостеприимном Кобдо, даже обзавелись знакомыми среди русских купцов и китайцев. В одно из воскресений Й. Г. Гранё прогуливался по другой улице Кобдо, более широкой и красивой с журчащими каналами и тополями. На этой улице располагались самое красивое здание в Кобдо – живописный буддистский храм, театр, сады, саркофаги с телами умерших китайцев, ждущих отправки на родину для захоронения. Именно за эти дома, сады, каналы и высокие зеленые деревья Кобдо заслужил славу самого красивого города [1, с. 523–524]. На этой улице у Й. Г. Гранё состоялось знакомство с самым богатым купцом Кобдо Р. И. Кузнецовым. Наслышанный о несчастье, случившемся с экспедицией в Урянхайском крае, купец предложил ученому деньги в долг [1, с. 525].

Пребывание в Кобдо закончилось 18 сентября 1906 г. К этому времени Й. Г. Гранё на выгодных условиях обменял лошадей на новых, на неделю запасся хлебом и толокном [1, с. 533]. Проводником каравана до Шара-Сумы был назначенный зурганом монгольский солдат. Дорога, ведущая в сердце Монгольского Алтая, оказалась очень хорошей. Спровождавший их монгол ехал в два раза быстрее, чтобы подготовить все условия для путешественников на привалах. В высокогорье экспедиция встретила целый обоз таратаек, идущих из Кош-Агача. По пути исследователи посетили казахский аул, главой которого был богатый старик, одетый в шубу из темно-синего бархата. Тот неохотно, но все же предоставил экспедиции проводника до озера Тал-нуур. Казах-проводник, как выяснилось, дороги не знал, вместо озера он привел экспедицию в совсем другое место. В итоге путешественники заблудились, но за ними вернулся прежний монгольский проводник, и путь продолжился в верном направлении. Поблизости от устья Бардама путников хорошо встретили в богатом казахском ауле. По приказу султана для них установили просторную и теплую юрту, в которой путешественники разместились с большим комфортом [1, с. 543]. Казахи Монгольского Алтая немного знали русский язык, что очень помогало экспедиции продвигаться по неизвестной территории [1, с. 548]. Наконец путешественники прибыли в уездный город Шары-сумэ, состоявший из нескольких мазанок сартов и дома военного губернатора. Здесь экспедиция перешла из системы р. Кобдо в систему Иртыша [1, с. 537].

5 октября 1906 г. экспедиция выдвинулась в последний путь через Джунгарию к Зайсану. На таможенном пункте Май-Капчагай монгольский путь закончился. Путешественники оказались на российской территории, где впервые после многих дней пути отведали русский хлеб. В Джунгарии они немного заблудились, выбраться им помог молодой казах с р. Кран. Наконец, путешественники прибыли в Зайсан, где их приняли за оборванцев. Не имея лишних денег, они устроились в очень дешевом постоялом дворе Игнатьева, где спали вместе с другими путниками на грязном полу. Продав на местном рынке лошадей за сто рублей, Й. Г. Гранё со своими спутниками добрался на эти деньги до Усть-Каменогорска, где получил по телеграфу денежный перевод и наконец рассчитался со своими проводниками. На почтовых лошадях вся компания доехала до Семипалатинска и успела на последний осенний пароход до Омска [1, с. 548–551]. Первое путешествие по Монгольскому и Русскому Алтаю закончилось. Впоследствии Й. Г. Гранё вспоминал: «Когда теперь я вспоминаю события своего первого путешествия в Монголию, мне кажется скорее чудом, чем закономерностью, что мы с товарищами вернулись домой целыми и невредимыми и у меня ко всему прочему накопился кое-какой материал для науки» [1, с. 511]. Лишившись фотоаппаратуры при переправе через Малый Енисей, Й. Г. Гранё не смог сфотографировать наскальные рисунки, которые ему удалось обнаружить, но зато приобрел бесценный опыт путешествий в высокогорных районах Русского и Монгольского Алтая. В дальнейшем он очень тщательно готовился к таким сложным экспедициям в условиях высокогорной страны.

Главной целью археолого-географического обследования в 1907 г. Финно-Угорское общество выбрало окрестности озера Убсы – самого северного из всех бессточных озер Монгольского Алтая [1, с. 357]. Маршрут второго путешествия пролегал из Бийска по Чуйскому тракту по долинам Катуня, Чуи и их притоков. Й. Г. Гранё и его спутник К. Вокк провели много дней в Бийске, стараясь надежнее подготовиться к экспедиции в Русский и Монгольский Алтай в полевой сезон. Они закупили конскую упряжь, седла, провизию на трехмесячное пребывание в горах и степях, упаковывали снаряжение и продовольствие в сундуки и дорожные сумки. Наибольшим затруднением для Й. Г. Гранё был вопрос о транспорте. Он прекрасно осознавал, что ему не найти в Бийске экипаж через Русский Алтай до места назначения в Уланкоме. Опытные бийчане, связанные с перевозками и торговлей с Монголией, посоветовали ему простой вариант: обратиться к шебалинскому жителю Громоздину, часто ездившего по своим делам в Монголию. С последним Й. Г. Гранё связался по телеграфу. Громоздин пообещал доставить экспедицию до места назначения, то есть до Уланкома за 140 руб. Й. Г. Гранё это более чем устроило [1, с. 358].

Итак, 3 июня 1907 г. Й. Г. Гранё и его спутник К. Вокк отправились на земских лошадях до Шеба-

лино по Старо-Чуйскому тракту через село Алтайское, где они переночевали в хорошей гостинице, через деревни Комар и Черга. В Семинской долине, в которой раскинулась Черга, он обратил внимание на следы деятельности древнего ледника, расширившего и углубившего дно долины [1, с. 359]. От Черги исследователи поднялись вверх по Семе до Шебалино, где их встретил Громоздин. Последний объяснил, что не может выполнить устное обязательство по доставке экспедиции в Монгольский Алтай. Вместо себя он предложил опытных ямщиков из местных жителей: Ивана и Степана, с которыми Й. Г. Гранё заключил письменный договор. Из Шебалино выехали 7 июня, путешественники ехали на тарантасе Ивана, вещи были уложены в подводу Степана. До Кош-Агача добились неделю, передвигаясь очень медленно со скоростью 50–60 км в день и останавливаясь на ночевки [1, с. 360]. По пути они пересекли Семинский перевал, представлявший собой прекраснейший альпийский луг с цветущими фиалками, перевал Чике-Таман. Шебалинские ямщики оказались спокойными людьми, они очень уважительно относились к Й. Г. Гранё.

На протяжении 400 км Й. Г. Гранё наблюдал изменения рельефа. По его наблюдениям, чем выше они поднимались в горы, тем более облик Алтайских гор по обе стороны Чуйского тракта становился монгольским, среднеазиатским. При этом он не увидел изменений в каменных породах и скалах, поскольку закругленные гранитные горы, ребристые сланцевые гряды, столбы известнякового фундамента, отвесные кручи и разбросанные груды глыб чередовались между собой на протяжении всего пути следования. Изменения рельефа он связал сменяющимися ландшафтами, со сменой климата и растительности. Чем выше экспедиция поднималась в горы, тем более менялся растительный покров, густые леса уступали место бобовым кустарникам и степным растениям. Такие изменения Й. Г. Гранё назвал монголизацией. Постепенная монголизация ландшафтов, утверждал ученый, — это ботанико-географический феномен, обусловленный климатом, который становится все более засушливым [1, с. 361–362].

Исходя из своих наблюдений, он пришел к выводу, что на Чуйском тракте по сравнению с другими регионами Алтая более выражены его «спинная» и «грудная» стороны. Для «спинной» стороны характерен пышный лесной покров на горных массивах, как, например, в долинах Семы [1, с. 361]. Дожди, как выяснил Й. Г. Гранё, проливаются в нижегорной и среднегорной частях Алтая. По мере того как высота гор увеличивалась над уровнем моря, дождей становилось меньше, а климат суше, на верхних уступах долин появились степные участки с растениями, приспособленными к сухому климату; редкий лес сменили кустарники. На месте слияния Чуи и Катунь Й. Г. Гранё наблюдал обширную кустарниковую растительность из лабазника, жимолости, рододендрона даурского [1, с. 361]. На верх-

них этажах гор он отметил распространенность различных видов астрагала, караганы и других бобовых растений, прекрасно росших в самых сухих степях Алтая, где не могла прижиться даже неприхотливая овсяница луговая [1, с. 362]. Й. Г. Гранё пришел к очень важному выводу: растительность является более основополагающим фактором ландшафта, чем гидро- и геотформы. В определенной мере, писал ученый, она важнее, чем многообразие форм рельефа; по мере того как исчезают леса, склоны гор захватываются степными растениями, что видно даже неспециалисту. Даже расселение народов в окрестностях Чуйского тракта, указывал Й. Г. Гранё, гармонирует с поясами растительности: в горных и высокогорных степях проживают местные скотоводы-кочевники, а в лесной местности — главным образом русские [1, с. 362].

Й. Г. Гранё оставил много ценных наблюдений о коренных жителях Центрального Алтая. Об теньгинских алтайцах ему много рассказали шебалинские ямщики Иван и Степан. Часть теньгинских алтайцев была православной, но большинство являлись бурханистами. Самым богатым предпринимателем Алтая в начале XX в. являлся теньгинский, по данным ученого, православный скотовод Аргымай Кульджин. Он возвел для себя на устье р. Теньги просторный двухэтажный дом и установил юрту, в которой жил летом. На свои деньги он построил церковь, школу для алтайских детей. Занимаясь селекцией, А. Кульджин заказывал элитных лошадей для выведения новой алтайской породы [1, с. 364].

Экспедиция немного задержалась в Онгуде — старинной перевалочной базе на Чуйском тракте. Здесь Й. Г. Гранё попытался найти проводника для путешествия по Монгольскому Алтаю. Но одним претендентам ученый отказал из-за непомерно высоких требований, другим — из-за незнания монгольского языка. Особенно удивил Й. Г. Гранё один рыжий парень, уверявший, что свободно владеет монгольским языком, так же как и русским, но как выяснилось, он знал только одно слово на монгольском языке — «мерин» [1, с. 365].

От Онгудая экспедиция двигалась по той части Чуйского тракта, которая была отстроена в 1902–1904 гг. [1, с. 365]. В Кош-Агаче Й. Г. Гранё нанял проводника из числа местных теленгитов. Из единственной и главной торговой фактории русских купцов — Кош-Агача — существовал удобный колесный путь в Кобдо, Улясутай, в Ургу и во внутренний Китай. Путешественники без всякого труда пересекли государственную границу России и Китая. Сравнив этот переход границы с опытом пересечения Урянхайского края и Монгольского Алтая в экспедиции 1906 г., Й. Г. Гранё пришел к выводу, что горные хребты на границе Русского и Монгольского Алтая более проходимы, чем цепи Саянских гор [1, с. 357]. По ровным долинам Южного Алтая и Монгольского Алтая можно было с удобством передвигаться даже в условиях бездорожья [1, с. 13, 355]. Два с половиной летних месяца полевого сезона 1907 г. исследо-

ватели провели в изучении окрестностей озера Убса и Урянхайского края, через который они вернулись в Сибирь. С собой они привезли ценный археологический артефакт — огромный могильный камень из долины р. Чаа-Кёл, который с огромным трудом через Осло доставили в Хельсинки, где он сейчас хранится в фондах Национального музея [1, с. 13, 366].

В ходе второго путешествия в Монгольский Алтай Й. Г. Гранё первый раз проехал полностью по Чуйскому тракту из Бийска до государственной границы с Монголией, тогда входившей в состав Российской империи [1, с. 357]. Как путешественник он высоко оценил Чуйский тракт, связывавший Западную Сибирь с Центральной Азией [1, с. 13]. Чуйский тракт, по его словам, является самым важным фактором в жизни населения Горного (Русского) Алтая и Монгольского Алтая [1, с. 357]. Как уже упоминалось, Чуйскому тракту он посвятил две главы своего сочинения «Чуйский тракт. Глава в истории торговли» и «Из Бийска в Кош-Агач по Чуйскому тракту» [1, с. 351–373].

Третья экспедиция в Русский Алтай и Монгольский Алтай началась 21 мая 1909 г. из Хельсинки. Й. Г. Гранё сначала добрался до родительского дома в Омске, из Омска пароходом до Усть-Каменогорска, затем «посуху» в Мало-Красноярск, отсюда по шоссе до административного центра Бухтарминского края — Алтайской казачьей станицы. Отправным пунктом третьего путешествия Й. Г. Гранё в Северную Монголию стала юго-западная часть Русского Алтая — Бухтарминский край со станицей Алтайской, которую Й. Г. Гранё назвал красивейшей деревней Алтая. Станица Алтайская хорошо построена, писал исследователь, по краям двух главных улиц посажены шикарные деревья, на берегах реки растут пышные березы и кусты роз [1, с. 457]. Со склонов гор Нарымского хребта исследователи наблюдали Белуху и другие вершины высокогорного Катунского хребта [1, с. 458]. Здоровый климат, хорошее жилье, отличная еда, прекрасный кумыс привлекали в Алтайскую станицу многочисленных дачников. Алтайскую станицу Й. Г. Гранё назвал Чемалом для юга Алтая, превосходящим своего катунского конкурента, но лишь пока не получившим той известности санатория и туристического объекта, которую он полностью заслужил [1, с. 458]. Здесь исследователь познакомился со старинным мараловодческим промыслом бухтарминских старообрядцев [1, с. 464–471].

В станице Алтайской путешественники задержались на 10 дней, обосновавшись в отличной гостинице. Й. Г. Гранё не сразу подобрал себе проводника с лошадьми из местных казаков, но потом сумел договориться с бухтарминским казаком Турубаем за плату в 107 руб. в месяц [1, с. 463].

22 июня экспедиция направилась из станицы Алтайской по долине Бухтармы к местности Улан-Даба и далее на Укок. Ученый тщательно обследовал бассейн Бухтармы. На основе наблюдений он пришел к выводу: в глубокой древности вся терри-

тория Южного Алтая была покрыта единым ледниковым панцирем. По его подсчетам, длина древнего Бухтарминского ледника составлял 120 км, а его толщина — сотни метров [1, с. 474]. Следуя на Укок, Й. Г. Гранё тщательно изучал археологические памятники: курганы, оградки, стелы, он их фотографировал и зарисовывал. Его по праву можно назвать первым археологом Южного Алтая.

Научной заслугой Й. Г. Гранё является физико-географическое описание Укока, ставшее одним из первых в научной литературе. По предложению Турубая Й. Г. Гранё на Укоке нанял проводника по имени Косбатай. Но когда экспедиция оказалась на территории Монгольского Алтая, в бассейне Нижнего Кобдо, где проживала группа монгольских казаков — киреи, Турубай и Косбатай инициировали угон лошадей экспедиции киреями. Понадобилось целое детективное расследование при помощи казахов-киреев, не знавших ни слова по-русски, и русского купца И. В. Плехова из Бийска, чтобы установить истину. На «народном собрании» заинтересованных лиц половину лошадей у Турубая забрал Й. Г. Гранё, другую половину в награду себе взяли киреи [1, с. 505–510].

22 июля 1909 г. экспедиция, в состав которой включили проводником казаха из числа киреев, разоблачивших конокрадов, прибыла к Кобдо. Как и в 1907 г. по широкой центральной улице города по своим торговым делам бродили монголы, китайцы, русские, сарты, татары, казахи [1, с. 526]. Судебное дело по поводу кражи лошадей Турубаем и Косбатаем Й. Г. Гранё передал на рассмотрение русского консула Долбежева из Улясутая, который в это время находился в Кобдо. Русский консул в Монголии, писал ученый, — это высокопоставленный и обладающий большой властью чиновник, пользующийся большим уважением, к тому же образованный человек, знающий китайский и монгольский языки. Со всех сторон в Кобдо устремились российские подданные со своими жалобами и спорными делами. Консул внимательно выслушал руководителя научной экспедиции по поводу кражи у него лошадей, допросил кирейского проводника и вынес свое решение: он разрешил Й. Г. Гранё продать всех лошадей Турубая, включая тех, которых киреи взяли себе; присудил Турубаю штраф около ста рублей в пользу ученого в качестве компенсации за понесенный ущерб. В Бухтарминскую волость ушло сообщение о принятом консулом Долбежевым решении по факту конокрадства Турубая [1, с. 527]. В результате такого справедливого суда финансовое положение экспедиции упрочилось. Располагая свободными средствами, Й. Г. Гранё изменил маршрут экспедиции. Он решил вместо Убсы пересечь Северную Монголию через Хангайский горный массив. К тому же консул предоставил ему бесплатный проезд на монгольском транспорте.

Итак, маршрут поездки изменился. Научная экспедиция Й. Г. Гранё пересекла Монгольский Алтай и углубилась в районы Внутренней Монголии [1, с. 563]. Следуя по Урто — дороге между Кобдо и

Улясутае, – Й. Г. Гранё познакомился с этим удивительным краем, ландшафты которого, несмотря на угрюмость, выглядели великолепно. В геоморфологическом и геологическом отношении этот край сильно напомнил ученому Алтай с типично глыбовыми горами [1, с. 532].

На всем протяжении пути монголы относились к российским путешественникам с большим дружелюбием. В юртах, встреченных по пути, исследователи всегда получали горячий чай и сыр, на постоялых дворах слуги заботились об их удобствах, лошадей предоставляли по первому слову. В результате по хорошему тракту и с удобствами экспедиция двигалась с большой скоростью (80–100 км в сутки) [1, с. 532]. Через Хангайский горный хребет путешественники пересекли Монгольский Алтай, осенью 1909 г. они были в Улясутае. К началу зимы экспедиция вернулась через Кяхту в Сибирь [1, с. 13]. Итак, в ходе третьей экспедиции ученый тщательно обследовал Бухтарминский край, с которым он познакомился еще в ознакомительной поездке 1905 г., затем Монгольский Алтай, окрестности г. Кобдо, окрестности Улясутая, Урянхайский край.

Все путешествия в Русский и Монгольский Алтай в 1906–1907 г. и в 1909 г. были археологическими и частично географическими экспедициями. Й. Г. Гранё исследовал способы захоронения древних народов и ареалы распространения однотипных могильных захоронений, петроглифические памятники, рунические надписи, картографировал обширные территории. Но уже тогда ученый проводил геологические и геоморфологические наблюдения, изучал растительный мир и климат, обращал внимание на проявления древнего оледенения в горах Русского и Монгольского Алтая [1, с. 561]. По возвращении из Алтая в конце 1916 г. ученый приступил к созда-

нию книги о своих экспедициях по Русскому и Монгольскому Алтаю. В книге «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий» нашли отражение основные положения концепции, которые Гранё обдумывал в ходе экспедиционных изысканий на Алтае в 1906–1907, 1909, 1913–1916 гг. Территории, основными компонентами которых являлись растительные, водные ресурсы, поселения, Й. Г. Гранё рассматривал как ландшафтные целостности, которые ученый исследовал как единый комплекс вопросов о среде обитания человека. По важности собранных этнографических сведений, характеризующих этническое своеобразие народов Русского и Монгольского Алтая, его труд «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий» не имеет себе равных в научной литературе.

L. N. Mukaeva

«Each person has light and shadow sides, like the cedars on the Altai hills»: the ethnocultural component of the field research of the finnish geomorphologist I. G. Granye in the Russian Altai and Mongolian Altai in 1906–1909.

Annotation. The article highlights the ethnocultural component of field research by the finnish geomorphologist I. G. Granye in the Russian and Mongolian Altai, carried out by him on the instructions of the Finnish-Ugric Society in 1906 - 1907 and in 1909. The expeditionary research undertaken was archaeological. But at the same time I. G. Granye has collected a wealth of material on the ethnic history of the peoples of the Russian Altai and Mongolian Altai. According to the author of the article, the characteristics and descriptions of various ethnocultural groups, communities and enclaves of the Altai-Mongol region expand modern understanding of the history and culture of the region's population in pre-soviet times. **Keywords:** *Russian Altai, Mongolian Altai, Altai peoples, expeditionary research, field materials, ethnocultural processes, ethnic diversity.*

Источники и литература

1. Гранё Й. Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. Москва: «Индрик», 2012. 608 с.
2. Мукаева Л. Н. Из истории изучения Горного Алтая П. А. Чихачевым в 1842 г. // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Исторические науки». 2011. № 353. С. 110–116.
3. Мукаева Л. Н. Историко-культурная составляющая геологических исследований Горного Алтая в первой половине XIX в. на примере текста П. А. Чихачева «Путешествие в Восточный Алтай» // Диалог культур: поэтика локального текста. Материалы V Междунар. науч. конф.: в 2-х т. (г. Горно-Алтайск, 26–29 сент. 2016 г.). Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т. С. 169–179.
4. Мукаева Л. Н. Историческая составляющая геоморфологического изучения Горного Алтая в начале XX в. на примере экспедиционных исследований финского ученого Й. Г. Гранё (на материалах юго-Западной части Горного Алтая – современного Усть-Коксинского района Республики Алтай) // Диалог культур: поэтика локального текста. Материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Горно-Алтайск, 26–29 мая 2018 г.). Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т. С. 123–135.